

УДК 101

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-1-16-29

ОТ ЛОГОСА К ХАОСУ

Огородников А. Ю.¹, Руппель Е. Ю.²¹Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, Российская Федерация

²Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет

644080, г. Омск, пр-т Мира, д. 5, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Экспликация динамики понятия «Логос» в философии как обоснования познаваемости мира и объективности его познания.

Процедура и методы. Методологической основой работы выступает раскрытие имманентных тенденций генезиса философского познания как опытного исследования возможностей разума и поиска объективной реальности.

Результаты. Во-первых, обнаружена связь изменения операционализации Логоса и нарастания неопределённости в методах познания, критериях истины, видении свойств бытия. Во-вторых, выявлен значимый индикатор кризиса рациональности, заключающийся в установлении смыслового тождества в современной философии понятий «хаос» и «Логос». В-третьих, показано, что желание философии уйти от ценностно-смысловой субъектной проблематики привело к обратному эффекту. Возникает генезис новых ценностей, сакрализирующих хаос, синтезирующих религиозное и философское представления в новом видении мира.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость работы заключается в раскрытии когнитивных факторов уверенности или страха человека перед конструированием реальности и потерей устойчивости воспроизводства общества, культуры. Практическая значимость выводов определяется потребностью современной цивилизации, приближающейся к пику неустойчивости, в радикальном онтологическом пересмотре целей, условий, параметров конструирования человечеством своей социокультурной среды.

Ключевые слова: будущее философии, логика познания, логос, неопределённость, объективная реальность, объективность познания, рациональность, современная философия, субъект познания, хаос

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» Центра компетенций СОЦИОПРАВО Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

FROM LOGOS TO CHAOS

A. Ogorodnikov¹, E. Ruppel²¹Kutafin Moscow State Law University (MGUA)

ul. Sadovaya-Kudrinskaya 9, Moscow 125993, Russian Federation

²Siberian State Automobile and Road University

prosp. Mira 5, Omsk 644080, Russian Federation

Abstract

Aim. Explication of the dynamics of the concept of Logos in philosophy, as a justification for the cognizability of the world and the objectivity of its cognition.

Methodology. The methodological basis of the work is the disclosure of the immanent tendencies of the genesis of philosophical cognition as an experimental study of the possibilities of reason and the search for objective reality.

Results. Firstly, the connection between the change in the operationalization of the Logos and the increase in uncertainty in the methods of cognition, the criteria of truth, and the vision of the properties of being is found. Secondly, a significant indicator of the crisis of rationality has been identified, which consists in establishing a semantic identity in the modern philosophy of the concepts of chaos and Logos. Thirdly, it is shown that the desire of philosophy to get away from the value-semantic subject problematics has led to the opposite effect. The genesis of new values arises, sacralizing chaos, synthesizing religious and philosophical ideas in a new vision of the world.

Research implications. The theoretical significance of the work lies in the disclosure of cognitive factors of a person's confidence or fear of the construction of reality and the loss of stability of reproduction of society, culture. The practical significance of the conclusions is determined by the need of modern civilization, approaching the peak of instability, for a radical ontological revision of the goals, conditions, parameters of mankind's construction of its socio-cultural environment.

Keywords: future of philosophy, logic of cognition, logos, uncertainty, objective reality, objectivity of cognition, rationality, modern philosophy, subject of cognition, chaos

Acknowledgments: the publication was prepared as part of the implementation of the Priority 2030 project of the Competence Center for SOCIOPRADO of the O. E. Kutafin University (MSAL).

Введение

Жизнь в мире всё возрастающей неопределённости, непредсказуемости событий, разрушения идей устойчивого развития и других утопий требует пересмотра отношения к разуму. Нужно понять, в какой мере интеллект мыслителей ответствен за происходящее, как разум связан с реальностью, можно ли сегодня говорить о каких-либо универсальных законах, находить тенденции, прогнозировать будущее. Последние десятилетия в философии доминирует приставка «пост». Её можно приписать почти любому концепту, чтобы сделать его современным. Как будто мы живём в пост-действительности. Но приставка «пост» есть скорее отрицание, чем утверждение. Сказать «явление В произошло после А», означает, помимо прочего, что В не есть А, оно отрицает А. Логически следует указать что есть это появившееся В. В современной философии чаще всего за «пост-отрицанием» не следует утверждение. Например, сказав, что сегодня мы имеем дело с «постнаукой», т. е. уже с «ненаукой», следует ввести новый термин, новую дефиницию. Но она, как правило, за отрицанием не следует.

Мы оказываемся не в новой реальности, видим не новую картину мира, а вакуум смыслов и дефиниций. Всё чаще, даже если

появляются новые термины, они остаются без предикатов, например, «гиперреальность», «контингентность», «ризомы» и др. Категорические утверждения также сменяются вероятностными или виртуальными (т. е. возможными). В такой «скользящей» реальности нет точки опоры. Всю историю существования философии именно она давала человечеству рациональную точку опоры для идей, смыслов, системы координат познания и действия. Такая смысловая опора в работе понимается как Логос. В работе мы не ставим задачи говорить о проблеме истины, корреляции разума и бытия, описывать все философские течения, использующие понятия «Логос» и «хаос». Наша цель – раскрыть путь утверждения и размытия концепта «Логос», понять имманентные философскому познанию (а не разуму) причины потери целостного, упорядоченного и закономерного видения мира.

Рационализация Логоса

Мыслителей всех времён и народов мучил вопрос о том, на что способен человеческий интеллект, в какой степени можно ему доверять. Философы Античности перевернули этот вопрос. Теперь интеллект-разум есть подлинная реальность, а существование мира становится философской

проблемой, гипотезой, нуждающейся в доказательстве. Вначале Парменид отождествил реальность и мысль о ней: всё, что мы мыслим, – реально, о чём мы мыслить не можем, не существует. Сократ и Платон пошли дальше: подлинность бытия определяется идеей, законом, Логосом, о котором можно только мыслить. Каждый предмет, который мы эмпирически воспринимаем, есть часть целого, целое существует благодаря наличию бытия. Но единичное отрицает бытие целого. Возникает диалектика мышления, оправдывающая Логос в понимании его Гераклитом, как «единая „мудрость“, которой управляется всё» [13, с. 23]. Тогда «истинная природа вещей не есть отвлечённое бытие; она есть жизнь, вечно живой процесс творческого генезиса, единство, осуществляющееся во множестве» [13, с. 23]. Начиная с Аристотеля, логика разума становится Логосом бытия. Общий для всех людей механизм мышления, очищенный от страстей, эмпирического опыта, изменчивых форм, даже предмета мысли и субъекта, есть единственный опытно данный нам закон бытия. Исследовать реальность мы должны с мышления, механизмов образования понятий, суждений и умозаключений. Этим путём мы дойдём до всего многообразия реальности, до всех её законов. Наконец-то разум со всей своей самоуверенностью и рациональностью занял центральное или единственное место в понимании реальности. Все его следствия необходимы и действительны. Но, не обращая внимания на философов, империи созидались и рушились, властители правил, как хотели, а народ радовался и страдал. Мало, кто обращал внимания на Логос, пока Логос не стал плотью: «И Слово стало плотью и обитало среди нас, и мы увидели славу Его, славу как Единородного от Отца, полного благодати и истины» (Ин. 1: 14).

Вера в богоподобие человека более чем на тысячу лет сняла актуальность вопроса о доверии интеллекту. Абсолютный разум проецировался на относительный ум человека. Но к концу Средневековья человек вновь захотел мыслить сам, без помощи Божьей благодати, своими силами и методами. В XVII

и XVIII вв. философия формирует научную методологию, возникает институционализированная наука и научный метод. Казалось, что разум станет «Демоном Лапласа», сможет узнать всё и осуществить прогресс в лучшем виде. Первым стал сомневаться в такой утопии И. Кант: «Пространство, время, причинность, реальность и все другие „категории“ мысли были признаны совершенно субъективными отцом новонемецкого идеализма Кантом» [13, с. 386]. Место Абсолюта в сознании философов Нового времени освободилось от Бога, и на Его место пришла Природа, ставшая новым абсолютот и тотальностью, правда, теперь её можно эксплуатировать и пытаться, как предлагал Ф. Бэкон. Природа в целом, а затем только материя становится идолом и тем самым саркарализуется незаметно для большинства философов XIX в. Центром новой сакрализации должен стать разум человека, доказавший своё могущество перед природой. Теперь не Логос, а владение природой становится доказательством истинности познания. Мир реален, т. к. разум владеет им.

Философам сложно было отказаться от Логоса, т. к. он «выступает концентрацией структурной рациональности, детерминирующей мировоззренческую парадигму как предзаданную неким упорядочивающим началом» [11, с. 127]. Его пытались вернуть в XIX в. многие от Г. В. Ф. Гегеля до М. Хайдеггера уже не как Абсолют, закон, Космос, а как раба, подчинённого гордому разуму философа: «В „Феноменологии духа“ я (Г. В. Ф. Гегель) представил сознание в его поступательном движении от первой непосредственной противоположности между ним и предметом до абсолютного знания ... лишь в абсолютном знании полностью преодолевается разрыв между предметом и достоверностью самого себя, а истина стала равной этой достоверности, так же как и эта достоверность стала равной истине» [3, с. 33]. Логос в латинском понимании как «ratio» теперь означает не гармонию и упорядоченность мира, а рациональное, затем чисто прагматическое соотношение между утверждениями «за» и «против», рассматриваемыми в

дискурсе [20, р. 11]. Логос без достоинства и красоты как чистый рациональный конструкт философа, подчиняющий себе реальность, перестал быть привлекательным. Против него восстали вначале Ф. Шеллинг, А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, затем Ф. Ницше, Н. А. Бердяев и др. Мир опять выскользнул из рук рационального разума. Может быть, философы вновь предложили бы новые методы, чтобы поймать и объяснить реальность, доказать её подлинность и ясную закономерность. Но события XX в., его трагедии, катаклизмы и крушение рациональных надежд не дали этому сбыться.

Первой попыткой ответа на крушение рациональности стал уход в себя, внутрь своего сознания через конструирование стройной картины феноменов сознания. Философия ушла в иллюзорный мир мышления, но не в процессы психики или особенности восприятия мира, а в рационально-логический конструкт, понимаемый как феномен собственного я философа, его сознания. Теперь мыслитель «анализирует и описывает в сущностной всеобщности – в особенности как феноменология мышления и познания – представления, суждения, познания как переживания» [5, с. 13], логика замыкается в себе, отрывается от эмпирического мира, становится чисто рациональной. В результате разум становится Логосом, но не животворящим словом, а самодовлеющим абсолютом, поработавшем человека, сковывающим живую мысль. Феноменологическая логика заставляет «обоготворить камень, принять беспощадную жестокость, самому окаменеть, отречься от всего, что нам наиболее нужно и дорого», чтобы «абсолютизировать истину и релятивизировать жизнь» [16, с. 115].

Такой феноменологический, а затем и лингвистический поворот в философии заставил вновь доказывать возможность связи логики познающего индивида (субъектом его уже назвать нельзя, т. к. он же является и объектом познания) и познаваемого им мира, устанавливать новые критерии рациональности мышления. Из-за роста популярности психологических исследований, открытия бессознательного, взаимовлияния

философии и психологии в гносеологии возникает новая проблема рефлексии психических переживаний, обуславливающих характер, направленность и ценность создания значений познаваемых предметов. Между эмпирически воспринимаемым миром и сознанием появляется таинственная сфера психического, способная существенно исказить наше видение внешнего мира или даже подменить реальность. Э. Гуссерль попытался чётко разделить логику познания и психическое переживание актов познания: «мы приступаем, таким образом, к серии аналитических исследований для прояснения идей, конститутивных для чистой, или формальной, логики ... далее, если отдавать предпочтение прежде всего феноменологической стороне выражений, – каким образом можно описывать переживания соответственно их сущности, к каким чистым родам должны быть отнесены переживания, которые *a priori* пригодны выполнять функцию придания значения; как соотносятся реализованные в них “акт представления” (“Vorstellen”) и “акт суждения” (“Urteilen”) с соответствующим “созерцанием”» [5, с. 26].

В середине XX в. философы избрали два пути объяснения связи бытийствующего мира и субъектного сознания. Первый путь основан на возможностях операционализировать эмпирический опыт в коммуникации в таком описании реальности, которое приводит к консенсусу субъектов познания. Веру в подлинность источника ощущений определяет квазиобщественный характер восприятия и систематичность возникновения. В дальнейшем данные основания трансформировались в теории рационального дискурса. Мир становится релятивным, подстраиваемым под интересы индивида и группы. Успешность коммуникации становится основным критерием подлинности понимания реальности, гарантией верного направления познания. Логос воспринимается как средство достижения согласия в практическом дискурсе. Главным средством дискурса и коммуникации является язык. Теперь он становится основным объектом исследований, направленных на установление

подлинности познания бытия: «Логос – ничто вне истории и бытия, поскольку это дискурс, бесконечная дискурсивность, а не актуальная бесконечность; поскольку это смысл» [7, с. 214].

Со времён Аристотеля логика языка фокусировала внимание на утверждении или отрицания предметов окружающего мира, их признаков, связей и т. п. В XX в. под влиянием идей Э. Гуссерля, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Ж. Деррида, Ф. Вейсмана, открытий в квантовой механике логика языка сводится к объяснению связи наших представлений о мире и высказываний об этих представлениях. Например, Жак Лакан, оспаривая основы научной рациональности, исследовал генезис значений понятий в языке. Он показал, что значения в языке не претендуют на истинность, а образуются ситуативно как отношение к Другому и перформативные высказывания [17, р. 12]. Предметом логики и познания становится не мир вне сознания, а конструкции мышления и их единство в сознании. И если в начале XX в., продолжая традицию Ф. Бэкона в её трактовке Э. Маха, такие конструкции привязываются к структуре эмпирического опыта, должны из него чётко выводиться, то с середины 1930-х гг., во многом благодаря открытиям квантовой механики, они уже воспринимаются первичными по отношению к опыту, теперь «философия заключается только в изучении символизма ... современная формулировка вовсе не пытается установить, чем является материальная вещь; она связана только с тем, как мы говорим о материальных вещах» [1, с. 220]. Центральной задачей аналитической логики становится установить, «в каком отношении один факт (такой, как предложение) должен находиться к другому, чтобы он мог быть символом этого другого факта» [2, с. 11]. Открытия в области естественных наук первой четверти XX в. изменили представление об эмпирическом базисе, о научном факте, об объективности суждений. Математические модели начинают превалировать над опытом, становится невозможно представить, визуа-

лизировать объекты познания, например кванты, электроны. Изучаемые процессы материального мира становятся скрытыми от непосредственного наблюдения. Между учёным и природой встаёт сложный технический прибор или математическая модель. В философии вместо математических моделей и математической логики между субъектом и познаваемым миром посредником становится логика языка: «то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, а о чём невозможно говорить, о том следует молчать» [2, с. 32]. В рамках первого подхода мир таков, каким его можно логически реконструировать в языке: «нечто логическое не может быть только возможным. Логика трактует каждую возможность, и все возможности суть её факты» [2, с. 38], а «факты в логическом пространстве суть мир» [2, с. 36].

Второй путь доказательства подлинности связи мира и сознания акцентирует внимание на свойствах бытия. Бытие очерчивает присутствие любой вещи в конкретной ситуации, в определённой конфигурации характеристик и связей, которые познающий субъект может установить своим сознанием. Мы реагируем на данность бытия через схватывание состояний предметов, несмотря на их постоянную изменчивость. Как опытный фотограф схватывает состояние человека, его эмоцию, ситуацию, в которой он находится, и всё это запечатывается в фотографии, хотя в реальности может длиться несколько секунд, быть незамеченным другими, так и познающий субъект обнаруживает состояние вещи, актуальное для конкретной ситуации: «бытие означает присутствие. В отношении помысленного присутствующего присутствие обнаруживает себя как позволение присутствовать ... позволить присутствовать означает – раскрыть, ввести в открытое ... бытие дано, дано как раскрытие присутствия» [14, с. 84]. Сознание позволяет индивиду познать целостность ситуации, её контекст, границы, связь с последующими событиями. Познание нашего присутствия, т. е. понимание сути происходящего, сконцентрированное в

целостности ситуации, определяется как логос: «присутствие обнаруживает себя как $\epsilon\nu$, всё единыящее единственное одно, как $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$, всё охраняющее собрание» [14, с. 85]. Так мы мыслим бытие, возможность нашей связи с миром, который постоянно от нас ускользает. Мир меняется быстрее, чем мы его познаём. Но это не мешает нам быть уверенными в бытии мира, задерживать его в своём мышлении, влиять на него. Такая способность, по мнению философов второго направления, доказывает возможность разума познать подлинную реальность. В этом подходе за миром видимым уже стоит не нечто, а ничто: «бытие – это ничто из сущего» [14, с. 86]. То, что позволяет нам мыслить наличие вещей, есть бытие. Связь мыслимых в настоящем вещей определяет присутствие, единство пребывания, в котором проявляются свойства бытия.

Оба пути описания бытия отрицают непосредственность его познания. Рецепция мира требует декодирования смыслов, которые из него исходят. Логос становится кодом, расшифровывающим сигналы бытия. Наш язык, суждения о любом предмете за внешним видимым смыслом содержат глубинный посыл бытия, указывающий на ключ к расшифровке сущности явлений. Язык – это не просто средство коммуникации, и передача информации между людьми не его главная задача. Язык – это то, как наш разум воспринимает упорядоченность и потенциал бытия. Другими словами, язык – это проекция бытия в нашем разуме. Поэтому всё, что может быть сказано, может существовать в бытии. Не человек изобрёл язык, он уже дан человеку. Осталось подобрать к нему смысловой ключ.

При такой трансформации понимания когнитивности, когда «текстовая форма признаётся тождественной форме реальности» [12, с. 54], помимо того, что «не остаётся места для субъекта» [12, с. 54], вместе с ней отрицается реальность как объективная, доступная познанию данность. Но такое заключение вызывает вопрос, кто является субъектом порождения

таких зашифрованных смысловых структур о бытии. В современной философии выкристаллизовываются только два ответа: либо Бог, и тогда бытие имеет исходящую от Него упорядоченность, либо человек, но тогда порядок, который мы воспринимаем, существует только в нашем мышлении. Понимание языка как посредника бытия и субъекта познания становится важным условием отрицания объективной упорядоченности бытия.

Даже в этих подходах бушующего XX в. ещё сохраняется первоначальная черта философского мышления – видеть мир в его целостности, упорядоченности, подчинённым закону существования, Логосу, дающему возможность миру быть. Но само понимание Логоса теряет свою точность и простоту. Он уже мыслится как множественность состояний бытия: «бытие покоится в раскрывающемся просвете простирании множественного присутствия в открытой сфере временного пространства» [14, с. 86], где «каждый предмет существует как бы в пространстве возможных атомарных фактов» [2, с. 40]. Философам всё сложнее найти в нём определённую тенденцию, единую логику, смысл бытия. В Логосе остаётся всё меньше содержания, закон меняется на случайность, смысл на абсурд: «чувство абсурдности поджидает нас на каждом углу ... Мы начинаем с атмосферы абсурда. Конечной же целью является постижение вселенной абсурда и той установки сознания, которая высвечивает в мире этот неуловимый лик» [8, с. 28–29].

Сакрализация хаоса

Представим себе звёздное небо. Звёзды на нём расположены хаотично, они случайно оказались в том месте, где мы их видим. Два небесных тела, которые кажутся с Земли очень близкими друг к другу, могут находиться на расстоянии миллионов световых лет, а часть звёзд уже не существует, хотя свет от них всё ещё к нам идёт. Но человек, хотя бы немного знакомый с астрономией, воспринимает небо как упорядоченное про-

странство, вычленяет из хаоса созвездия. Один раз мысленно соединив звезды в систему, увидев созвездие, смотрящий уже не сможет его не видеть. Так сознание структурирует мир. Но содержит ли мир структуры, имеет ли Вселенная изначально заданную логику? Со второй половины XX в. всё больше философов отрицательно отвечали на этот вопрос. В мире нет универсальной логики, её нет и в нашем мышлении. Человечество на определённом этапе своего существования в V–III вв. до Р. Х. решило, что удобнее мыслить о мире логично. Вначале логика сконструирована в создании философов, общественных деятелей, затем экстраполирована на внешний хаотичный мир.

Аристотель хотел доказать наличие законов в мире законами нашего мышления, которые он сформулировал как законы логики. Если такие законы есть, то каждое событие в мире чем-то детерминировано, имеет причину. Философы и учёные в XX в. поставили под сомнение саму возможность казуальных связей. Возникает бунт против тотальной причинности, как основания объективности научной или философской истины.

Когда философия XIX в. полностью рационализировала Логос, чтобы избавить нас от сомнений в его действительности, она создала обратный эффект. Если что-то есть на самом деле, зачем нужно столько стараний, чтобы это доказать. Самих рациональностей, как мы показали в первой части статьи, оказалось несколько, что само по себе ставит под сомнения эти подходы. У философов, переживших первую половину XX в., тоже стало меньше энтузиазма говорить о безграничных возможностях разума на основе рационального проекта изменить мир к лучшему, сделать его упорядоченным, прогнозируемым, соответствующим научной или философской логике. Общество и сами философы устали от «догматической» философии, диктующей свои законы миру. Но если Логос не существует, то чему же теперь верить? Любые попытки заменить его на новую рациональность приводили к иной трактовке Логоса, либо его искажению, но не отрицанию. Метрия, неопределённость и даже бунт содержали в себе де-

терминистическую логику. Осталось только одно средство – найти нечто противоречащее Логосу. Им стал концепт хаоса.

В конце XX в. идея хаоса как фундамент познания стала удобна по нескольким причинам. Во-первых, представление о хаотичном мире предполагает бесконечное множество вариантов развития событий и отсутствие чётких тенденций изменений, поэтому снимает ответственность с философа за последствия использования его идей. Во-вторых, теперь не нужно предлагать определённый конструкт мира, универсальные законы и конечное описание реальности или указывать на практический смысл теории. С хаосом ничего нельзя сделать, как нельзя придать форму воде. В-третьих, философское описание хаоса избегает его сущностных свойств, поскольку у него их нет, и тем самым теряет смысл закон тождества. В тексте о хаосе это понятие может быть не тождественно самому себе, пониматься и интерпретироваться по-разному. Возникает изменчивая рациональность, с которой невозможно полемизировать по законам логики или верифицировать. В-четвёртых, в теоретическом концепте хаоса, кажется, нет ценностной детерминанты, он как бы нейтрален по отношению к мировоззрениям, культурам, идеалам, не отрицает их, в хаосе всё возможно, но не необходимо. В-пятых, вокруг хаоса легко создать ореол тайны, мистицизма, интегрировать как философские, так и около философские идеи. Современный секулярный мир создаёт вакуум религиозных смыслов. Но потребность веры, духовного поиска остаётся. Традиционные религии предлагают сложный и узкий путь, развитие человека, преодоление себя: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7 : 13–14), «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5 : 48). Теории хаоса предлагают лёгкую веру без работы над собой и самосовершенствования. Свято место пусто не бывает, на место духовного преображения приходит мрак непонятной таинственности.

Современный мир предлагает много вариантов выбора почти во всех сферах жизни. Устойчивых критериев выбора всё меньше, становится всё сложнее его сделать. Концепт хаоса снимает напряжённость выбора, делая равнозначными, равноценными все варианты изменений. Сам выбор есть случайность, при которой интеллект выхватывает одно из бесконечных состояний хаоса. Субъекту познания видится привлекательное безразличие от происходящего, кажущееся спокойствие, снятие напряжения от принятия решения. Неопределённость становится позитивной ценностью, естественным состоянием мира или системы в одной из фаз изменений.

Здесь нужно сделать одно уточнение. Понятия хаоса, неопределённости, отсутствия равновесия и подобные им присутствовали в философии с начала её возникновения. Но первичность и тотальность хаоса, сводимость к нему всех процессов становится распространённой идеей только в философии конца XX – начала XXI вв.: «случайность и необратимость играют важную роль, значение которой возрастает по мере расширения наших знаний... Во многих случаях довольно трудно провести чёткую границу между такими понятиями, как “хаос” и “порядок”» [10, с. 225]. Представление о постоянном переходе от хаотичного состояния в устойчивое, а затем обратно в хаотичное любой системы впервые возникло в науке XX в. Хотя концепт хаоса возник ещё в античной и в восточной философии, такое его понимание, при котором любая устойчивость и упорядоченность являются частным случаем хаотичного состояния, возникает в первой половине XX в. в науке и переходит в философию к концу XX в. Детище философии, наука, сама стала диктовать свою волю её родителю. Наиболее влиятельными учёными, обосновавшими новое видение хаоса, были В. Гейзенберг, Ж. Адамар, А. Колмогоров, Э. Льюис, Дж. Йорк, К. Робинзон, Б. Мандельброт, И. Пригожин и др. [4; 15; 19].

Хаотичное состояние системы естественно, фундаментально. При этом его описание принципиально отрицает любой универ-

сальный закон, утверждается абсолютное отсутствие Логоса: «Когда система, эволюционируя, достигает точки бифуркации, детерминистическое описание становится непригодным... переход через бифуркацию – такой же случайный процесс, как бросание монеты» [10, с. 35, с. 237]. В основе мира, любой упорядоченности лежит хаос, из которого случайно возникает мир: «источником порядка является неравновесность... неравновесность есть то, что порождает “порядок из хаоса”» [10, с. 35, с. 302].

При таком видении мира неравновесность и кризистность являются естественным состоянием функционирования любой системы. Каждый социальный проект, всё общество, движение к цели через некоторый промежуток времени обязательно приведут к неравновесному состоянию, в социальной плане к кризису. За такое состояние никто не может нести ответственность, ни философ, ни политики, ни учёный, как никто не несёт ответственность за плохую погоду. От хаоса всё возникает, к хаосу всё и стремится.

Кризисы XX в., конечно, повлияли как на философию, так и на науку. Но всё-таки в XX в. доминировала хотя и ограниченно определённая, последовательность в событиях, социальных изменениях, конфликтах и достижениях. Учёные, философы с большей или меньшей точностью логически реконструировали происходящее. 1970-е и 1980-е гг. в Европе и США были относительно спокойными по сравнению с первой половиной века. В этот период резко растёт интерес к концепции хаоса, к научным и философским объяснениям этого феномена. Хотя уже в 1930-е и 1940-е гг. в математическом моделировании и в физике присутствовали подобные идеи, но они были на втором плане по отношению к более устойчивому и детерминированному объяснению реальности. Тенденция конца XX в. продолжилась в XXI в. среди мыслителей. Но теперь уже мыслительный конструкт стал трансформироваться в социальный и культурный. Неопределённость, неустойчивость, нестабильность и рост рисков в обществе, международном про-

странстве, культуре, ценностях были интуитивно предвидены и описаны как естественное состояние.

Представление о мире, которое конструирует современная фундаментальная наука (не только естественные науки, но гуманитарные и социальные), оторвано не только от эмпирического опыта каждого, но и от осознания мира, в котором человек бы чувствовал себя естественно, уверенно. Исторически человек привык прогнозировать свои действия, конструировать среду своего существования по какому-либо проекту, учитывать причинно-следственные связи. Теперь ему предлагают либо отказаться от такого фундаментального представления, сделать онтологический переворот в сознании, либо признать почти полную непознаваемость мира.

Взор устремился на философов, как они теперь с учётом современного научного дискурса объяснят не только сам мир, но и возможность объективных суждений о нём. На Логос опереться уже поздно, его редуцировали из схемы познания, а на хаос человечество опираться не готово, да и не хочет, поскольку события последних лет и так слишком неопределённые, непредсказуемые для большинства. Вместе с прогрессирующей нестабильностью растёт потребность в определённости, логичности в объяснении и понимании происходящего. Передышка, отдых, который философия увидела в идее хаоса, обернулся новой существенной проблемой для неё самой. От ответа на новый запрос зависит доверие к философии, как вере в мудрость.

И философы начали свою защиту нового описания реальности-хаоса. Эмпирический опыт каждого об устойчивости, постоянстве мира, сохранении формы в пространстве и времени, сложной структуре объектов познания, детерминированной существенными свойствами предметов в рамках нового видения, есть порождения нашего интеллекта, результат моделирования в сознании конфигурации предметов на основе заранее приписываемых им свойств. Сами свойства объективно существуют в хаосе как возможность,

но у предметов и явлений нет постоянных им присущих свойств: «ничто в мышлении не выходит за пределы воображения, ничто не является трансцендентальным, поскольку эти принципы – просто принципы нашей природы, и поскольку они делают возможным опыт, не создавая, одновременно, необходимым образом объекты этого опыта» [6, с. 118].

Происходящие вокруг нас изменения нам свойственно включать в причинно-следственный процесс, находить последовательность, повторяемость явлений, детерминирующих их факторы. Но что, если причинно-следственные связи есть лишь продукт нашего воображения, производимый психическими состояниями? Мы видим то, что нам хочется видеть, или, напротив, то, чего мы боимся.

Неопределённость теперь вошла внутрь человека, в его сознание, стала смесью аффектов, впечатлений и установок. Наша человеческая природа также неустойчива, разум спонтанен и тем самым соответствует реальности. Но мы этого не замечаем, видя в случайных импульсах смысл, порядок: «сам по себе рассудок – это только движение аффекта, становящегося социальным ... отношение – это не то, что связывает, а скорее то, что завязывается; причинность, например, – это аффект, впечатление рефлексии и действие сходства» [6, с. 13].

Сознание мыслящего индивида всё ещё продолжает сопротивляться неопределённости и хаосу. У познающего субъекта остаётся последний весомый аргумент классической философской и научной рациональности в защиту Логоса. Мы мыслим мир как целое, как единство. Понимание целостности может быть разным, диалектическим, системным, неопределённым, но всегда она мыслится как фундаментальная черта реальности. Целостность предполагает ключевое образующее её свойство и наличие общих законов (хотя бы одного), общего бытия или поля существования.

Цельность мира образует его ценность, смысл существования, т. к. оно детермини-

ровано свойствами бытия, обеспечивающими единство способов существования, взаимосвязанность мира. Бытие мира основано на абсолютной идее, или абсолютном смысле, согласующем все изменения, позволяющем развиваться целому и его частям. Общие законы бытия, Вселенной поддерживают единство и целостность динамической реальности. Тогда и познание становится ценностью, как приобщение к бытийствованию, к развитию, к абсолютному смыслу.

В философских идеях хаоса первоначально не отрицалось единство мира, общность законов, даже абсолютизация хаоса. Жиль Делёз природу ещё пишет с заглавной буквы, она для него остаётся последней нитью, связывающей субъекта с абсолютным. На этом переходном этапе возникают гибридные формы хаоса и Логоса. Примером служит понятие «хаосмос», используемое Ж. Делёзом, Ф. Гваттари, Д. Джойс.

К началу XXI в. ситуация меняется. Чтобы мыслить целое, нужно обосновать его образующее начало, нечто внешнее, трансцендентное. Без этого целое становится релятивным, затем пустым, бесполезным для познания. Сохранение за хаосом абсолютной ценности требует аргументов о его значимости и новых смыслов его познания. В таком случае нужно либо признать, что хаос – это промежуточное состояние к Логосу, либо в самих хаотичных, неопределённых состояниях искать объективные структуры или законы. Оба этих варианта являются возвратом к классической философской традиции XIX и начала XX вв. с их проблемой доказательства объективной реальности. Если признать ценность познания, в том числе познания неопределённости, или наличие всеобщих законов, структурирующих принципов, познание опять привязывается к позиции субъекта, к особенностям мышления, к методам, т. е. объективная реальность заслоняется интерсубъективной или чисто субъективной. Отказ же от обязательности наличия реальности ведёт к агностицизму или философскому пессимизму.

В таком случае ставится задача сохранить нечто реальное, оторвать его от субъекта познания, очистить от каких-либо законов, ценностей и образа цельности бытия, понять, как «возможно мыслить данную реальность, абстрагируясь от того факта, что мы её мыслим» [9, с. 48]. Любой закон, даже любое общеутвердительное суждение, противоречащее неопределённости, содержащее универсальный смысл, становится опасным для философии. Реальность должна быть очищена от познающего субъекта, в том числе коллективного, и от любого вмешательства извне, любого мистицизма и религиозности. Ряд философов используют для описания нового подхода понятие «Анти-Логос» как отрицание любой постоянной идентификации предмета с пространством, в том числе в культурной и социальной сферах: «рост автономно перформативной репрезентации в экономике, технологии, лингвистике, философии, сексуальности, развлечениях и во всей повседневной жизни разрушил древнюю бинарную оппозицию между физисом и немосом» [18, р. 11]. Кажется, тогда мы получим чистый акт познания индивида и действительность, которая есть не потому, что мы о ней говорим, мыслим, обсуждаем, а исходя из самой возможности быть. Такая действительность реальна только как потенция, как возможность всего, как абсолют, способный порождать всё, что угодно, но независимый ни от чего внутреннего и внешнего, абсолют хаотичный и неопределённый: «Хаос может всё, что угодно» [9, с. 116]. В нём возможно всё, любые противоречивые (исходя из классической логики) явления, но ничто не принуждается к бытию, нет никакой закономерности появления чего-либо: «фактичность обрамляет знание и мир отсутствием основания, и обратная сторона этого отсутствия основания в том, что ничто не может быть названо абсолютно невозможным, даже немислимое» [9, с. 54].

Философия смогла редуцировать из познания все человеческое, все трансцендентное и трансцендентальное, весь Логос, но не смогла отказаться от главного, начала всего, от абсолюта: «то, что сегодня на-

зывают "концом абсолютных", не отменяет ценность абсолютного, а, напротив, представляет удивительную свободу» [9, с. 61]. Новый абсолют через неопределённость мыслится как ничто, которое никогда не сможет перейти в свою противоположность, в нечто: «мы должны найти такую абсолютную необходимость, которая не будет возвращать нас ни к какому абсолютно необходимому существу» [9, с. 44]. Неопределённость и случайность утверждаются как единственные свойства бытия. Уже нет никаких оснований, принципов, законов, детерминант, а главное – нет разницы между созиданием и разрушением: «спекуляция... позволит нам понять, что абсолютно нет предельного Основания – ни мыслимого, ни немыслимого. Нет ничего ни до, ни после явленной немотивированности данного – ничего, кроме безграничной и незаконной силы его разрушения, возникновения и сохранения» [9, с. 90].

Заключение

Хаос как новый абсолют снимает вопрос познаваемости мира. Всё, что мы познали, равновероятно может существовать, всё, что можно отобразить в языке, потенциально есть, но ничто не бытийствует, не имеет подлинности существования, как необходимости быть. Познание – это аффект, реакция на то, что мир существует, как нечто Другое, всепоглощающее Оно. Его наличие доказывается только возможностью говорить об ином, чём-то, что есть вне субъекта. Но существовать и мыслиться оно может любым, поэтому любое знание о нём подлинно. Иное ничем не детерминировано, в нём нет законов, смыслов, необходимости, значимости. Интересно ли человеку будет жить в такой реальности, да и захочет ли он в ней жить? Сможет ли он сохранить своё достоинство, целостность мышления или мы окажемся в мире, где разум и безумие не имеют чётких различий, а будет присутствовать в каждом акте познания и творчества?

Заново, как 2500 лет назад, перед философией встаёт вопрос: «зачем нужен разум?». Если мир – это бесконечное число равнозначных альтернатив и случайных явлений, в нём объективно отсутствуют постоянные различия между предметами, то любая цель одинаково ценностно абсурдна, а мысль – ничтожна перед бездной. Тогда не уводит ли нас разум, познавший эту реальность, от спокойного и безразличного ко всему состоянию? Неужели был прав З. Фрейд, оценивая культуру как ошибку, когда говорил, что все её усилия лишь усиливают комплексы и неврозы человека. Мыслители думали, что интеллектуальный проект хаоса даст время на передышку, на паузу в конструировании реальности на основе философских идей, на неспешный пересмотр рациональности. Оказалось, такой подход имел побочный эффект. Интеллектуальная неопределённость стала трансформироваться в социальную и культурную. Происходит рост импульсивности, радикализма, противоречий. Апатия, скука и ценностное безразличие для человека оказались опаснее революционных идей. Мир стал чужим, холодным, античеловечным.

Концепт хаоса не вернул веру в разум, а лишь снизил к нему интерес. Человеку тяжело жить без абсолютного и сакрального. Секуляризм на Западе превратил Логос в наукообразную логику, а затем в феноменологию. Так Логос потерял ценность и смысл. Но «поразительная черта современного Запада состоит в следующем: он религиозизируется по мере того, как дехристианизируется» [9, с. 65]. Теперь место абсолютного занимает чистый хаос. Теперь он источник сакрального. Но сможет ли жить человечество с таким абсолютным и как долго сможет сохранить оставшийся от старой культуры порядок, не погрузиться в хаос, чтобы потом с последней надеждой вновь воскликнуть «благословен Грядущий во имя Господне!» (Мф. 21 : 9)?

Статья поступила в редакцию 25.01.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайсман Ф. Многоуровневая структура языка / пер. В. А. Суровцева, В. В. Оглезнева // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2018. № 4. С. 219–230.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2020. 160 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 1 / пер. Б. Г. Столпнера. М.: Primedia E-launch LLC, 2017. 540 с.
4. Глейк Дж. Хаос. Создание новой науки / пер. М. С. Нахмансона, Е. Барашковой. М.: Corpus: АСТ, 2022. 432 с.
5. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Логические исследования: в 3 т. Т. 2: Исследования по феноменологии и теории познания / пер. В. И. Молчанова. М.: Гнозис: Дом интеллектуальной книги, 2001. 576 с.
6. Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. Я. И. Свирского. М.: ПЕР СЭ, 2001. 475 с.
7. Деррида Ж. О грамматологии / пер. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
8. Камю А. Бунтующий человек. Миф о Сизифе / пер. С. Великовского, Е. В. Головиной. М.: АСТ, 2021. 512 с.
9. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведева. Екатеринбург; М.: Кабинетный учёный, 2015. 196 с.
10. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: URSS, 2021. 320 с.
11. Рендл М. В. Актуализация метафизического хаоса в современной философии // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2014. № 3 (16). С. 127–136.
12. Рябушкина Т. М. Парадигмы в западноевропейской теории познания: от формального разграничения «классика – неклассика» к поиску содержательных определений // *Антиномии*. 2021. Т. 21. № 4. С. 31–60.
13. Трубецкой С. Н. Учение о логосе в его истории. М.: Юрайт, 2022. 395 с.
14. Хайдеггер М. Время и бытие / пер. А. С. Солодовниковой // Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа, 1991. С. 80–101.
15. Черкасова М. С. Хаос. Что такое хаотический аттрактор? [Электронный ресурс] // *Меридиан: научный электронный журнал*. 2020. № 10. URL: <http://meridian-journal.ru> (дата обращения: 18.10.2022).
16. Шестов Л. И. Памяти великого философа. Эдмунд Гуссерль // *Русскія записки*. 1939. № 1 (13). С. 107–117.
17. Cassin B. Jacques the Sophist: Lacan, Logos, and Psychoanalysis. New York: Fordham University Press, 2019. 192 p.
18. Hawkes D. The Reign of Anti-logos. Performance in Postmodernity. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. 285 p.
19. Katok H., Hasselblatt B. Introduction to the Modern Theory of Dynamical Systems. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 824 p.
20. Trillas E. On the Logos: A Naïve View on Ordinary Reasoning and Fuzzy Logic. Switzerland: Springer, 2017. 213 p.

REFERENCES

1. Waismann F. The Many-Level-Structure of Language (Rus. ed.: Surovcev V. A., Ogleznev V. V., transl. *Mnogourovnevaya struktura yazyka*). In: *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, no. 4, pp. 219–230).
2. Wittgenstein L. Logisch-Philosophische Abhandlung (Rus. ed.: Dobrosel'sky L., transl. *Logiko-filosofskij traktat*). Moscow, AST Publ., 2020. 160 p.).
3. Hegel G. W. F. Wissenschaft der Logik (Rus. ed.: Stolpner B. G., transl. *Nauka logiki. T. 1*). Moscow, Primedia E-launch LLC Publ., 2017. 540 p.).
4. Gleick J. Chaos. Making a New Science (Rus. ed.: Nahmansonov M. S., Barashkova E., transl. *Haos. Sozdanie novoj nauki*). Moscow, Corpus Publ., AST Publ., 2022. 432 p.).
5. Husserl E. Untersuchungen zur phänomenologie und theorie (Rus. ed.: Molchanov V. I., transl. *Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya*). In: Husserl E. *Sobranie sochinenij. Logicheskie issledovaniya* [Collected Works. Logische Untersuchungen. Vol. 2]. Moscow, Gnozis Publ., Dom intellektual'noj knigi Publ., 2001. 576 p.).

6. Deleuze G. Empirisme et subjectivité: essai sur la nature humaine selon Hume. La philosophie critique de Kant: Doctrines des acultes. Le Bergsonisme. Spinoza (Rus. ed.: Sviricky Ya. I., transl. *Empirizm i sub'ektivnost': opyt o chelovecheskoj prirode po Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyah. Bergsonizm. Spinoza*. Moscow, PER SE Publ., 2001. 475 p.).
7. Derrida J. De la grammatologie (Rus. ed.: Avtonomova N., transl. *O grammatologii*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 512 p.).
8. Camus A. L'Homme Revolte. Le Mythe Desisyphé (Rus. ed.: Velikovskiy S., Golovina E. V., transl. *Buntuyushchij chelovek. Mif o Sizife*. Moscow, AST Publ., 2021. 512 p.).
9. Meillassoux Q. Apres La Finitude. Essai Sur La Necessite De La Contingence (Rus. ed.: Medvedev L., transl. *Posle konechnosti: Esse o neobhodimosti kontingentnosti*. Ekaterinburg, Moscow, Kabinetnyj uchyoniy Publ., 2015. 196 p.).
10. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz haosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of Chaos: A New Dialogue between Man and Nature]. Moscow, URSS Publ., 2021. 320 p.
11. Rendl M. V. [Actualization of Metaphysical Chaos in Modern Philosophy]. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev], 2014, no. 3 (16), pp. 127–136.
12. Ryabushkina T. M. [Paradigms in the Western European Theory of Knowledge: From the Formal Distinction between “Classics and Non-Classics” to the Search for Meaningful Definitions]. In: *Antinomii* [Antinomies], 2021, vol. 21, no. 4, pp. 31–60.
13. Trubeckoi S. N. *Uchenie o logose v ego istorii* [The Doctrine of Logos in its History]. Moscow, Yurait Publ., 2022. 395 p.
14. Heidegger M. Sein und Zeit (Rus. ed.: Solodovnikova A. S., transl. *Vremya i bytie*. In: Heidegger M. *Razgovor na prosyolochnoj doroze. Izbrannye stat'i pozdnego perioda tvorchestva* [Conversation on a Country Road. Selected Articles of the Late Period of Creativity]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991, pp. 80–101).
15. Cherkasova M. S. [Chaos. What is a Chaotic Attractor?]. In: *Meridian: nauchnyy elektronnyy zhurnal* [Meridian: Scientific Electronic Journal], 2020, no. 10. Available at: <http://meridian-journal.ru> (accessed: 18.10.2022).
16. Shestov L. I. [In Memoriam of the Great Philosopher. Edmund Husserl]. In: *Russkiya zapiski* [Russian Notes], 1939, no. 1 (13), pp. 107–117.
17. Cassin B. Jacques the Sophist: Lacan, Logos, and Psychoanalysis. New York, Fordham University Press, 2019. 192 p.
18. Hawkes D. The Reign of Anti-logos. Performance in Postmodernity. Switzerland, Palgrave Macmillan, 2020. 285 p.
19. Katok H., Hasselblatt B. Introduction to the Modern Theory of Dynamical Systems. Cambridge, Cambridge University Press, 1995. 824 p.
20. Trillas E. On the Logos: A Naïve View on Ordinary Reasoning and Fuzzy Logic. Switzerland, Springer, 2017. 213 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Огородников Александр Юрьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

e-mail: ou2005@yandex.ru

Руппель Елена Юрьевна – доцент, доцент кафедры физики и математики Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета;

e-mail: ruppeleu@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander Yu. Ogorodnikov – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Philosophy and Sociology, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
e-mail: oau2005@yandex.ru

Elena Yu. Ruppel – Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Physics and Mathematics, Siberian State Automobile and Road University;
e-mail: ruppeleu@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Огородников А. Ю., Руппель Е. Ю. От логоса к хаосу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 1. С. 16–29.

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-1-16-29

FOR CITATION

Ogorodnikov A. Yu., Ruppel E. Yu. From Logos to Chaos. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2023, no. 1, pp. 16–29.

DOI: 10.18384/2310-7227-2023-1-16-29